

Что за милашка этот Горовиц!

Горовиц
Владимир
Культура. 2001.
30 сев. 4 5 сев. - с. 10

В издательстве "Классика-XXI" готовится к выходу в свет книга Дэвида Дюбала "Вечера с Горовицем". Автор — истинный профессионал, окончивший фортепианный факультет Джульярдской музыкальной школы. Дюбал более чем два десятилетия возглавлял нью-йоркскую радиостанцию классической музыки WNCN, а с 1983 года он читает в Джульярде курс истории фортепианного искусства. Автор журнальных и газетных статей, книг "Беседы за клавиатурой" (написана по материалам интервью с известными пианистами), "Фортепианное искусство: исполнители, репертуар, записи", "Разговоры с Менухиным", "Вспоминия Горовица", создатель видеofilма "Золотой век фортепиано" (1993), повествующего об истории инструмента и крупнейших пианистах, Дэвид Дюбал не только выступает с лекциями у себя на родине и за рубежом, но и ведет профессиональную концертную деятельность, участвует в жюри международных конкурсов, в мире выходят диски с его записями. Дэвид Дюбалу довелось довольно тесно общаться с Горовицем в последние годы жизни маэстро. Благодаря энциклопедической эрудиции Дюбал вел беседы с великим пианистом на равных. Из встреч и разговоров родилась книга, с фрагментами из которой мы предлагаем познакомиться нашим читателям.

В.Горовиц на концерте в БЗК (1986 год)

на пятнадцать минут раньше назначенного срока. Пока мы убивали время, прогуливаясь вокруг квартала, Ричард вслух размышлял о том, как нас примут. Он сутулится, надевая бабочку, и мы оба гадали, буду ли я вышвырнут из-за моего шелкового галстука. Горовицы славилась своим темпераментом. Всем было известно, что они воистину королевская пара от мира музыки и что темперамент миссис Горовиц унаследован от ее отца, Артуро Тосканини.

С угла улицы мы высматривали Джека. Перед тем как позвонить в дверь, он аккуратно причесался и вскоре был впушчен. Это стало для нас сигналом. Как ни странно, я не волновался и был готов ко всему, что бы ни произошло.

Когда мы вошли в гостиную, Джек, сидевший там в одиночестве, поднялся нам навстречу. Ричард подсоединил к розетке магнитофон. Скоро появилась миссис Горовиц — крепкая, красивая женщина, небольшого роста, очень бледная, в дорогом костюме. У нее были каштановые волосы — прямые, жесткие, блестящие и безукоризненно уложенные. Своим пронзительным взглядом она удивительно походила на отца. Хотя Ванда Тосканини-Горовиц и называла себя бесталанной, она, безусловно, была звездой.

Она была одновременно и боязливой, и бесстрашной — эта женщина, целиком посвятившая себя карьере мужа. Многие деятели музыкального бизнеса называли ее "Ванда-ведьма" за яростный характер и сверхъестественную способность устраивать "скандалы". Короче говоря, миссис Горовиц считалась женщиной грозной и опасной. Джек приветствовал ее с огромным почтением.

Неожиданно, словно из-под земли, появился сам Горовиц. В то время великому пианисту было семидесять шесть лет. Он показался мне выше ростом, чем я себе представлял. Одет Горовиц был пестро — при яркой бабочке, в полосатом жилете. Улыбаясь, он подошел ко мне, протянул руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. В отличие от многих пианистов, Горовиц не боялся, что кто-нибудь повредит ему пальцы.

— Сегодня я слушал ваше радио, оно звучит прекрасно, — сказал он.

— Мне придется согласиться с общим мнением, мистер Горовиц. Не могу выразить, сколь я счастлив встретиться с вами и вашей супругой. Позвольте представить вам главного звукорежиссера WNCN Ричарда Козела.

Разговор начался. Сначала Го-

ровиц чувствовал себя не совсем уверенно, отвечая на мои вопросы. Он то и дело спрашивал Джека: "Не так ли? Вы согласны?" И Джек всякий раз отвечал с подчеркнутой определенностью: "Конечно! Разумеется!" По ходу разговора миссис Горовиц не могла удержаться от комментариев. Характерно, что это произошло как раз в тот момент, когда пианист хотел показать себя в самом выгодном свете.

Нам предстояло в полной мере оценить драматический талант Ванды Горовиц. Как раз в тот момент, когда пианист начал собираться с мыслями, я заметил, что ноздри миссис Горовиц пришли в движение. Наша беседа шла дальше, но она продолжала принохиваться и наконец вымалась.

— Володя, сегодня на прогулке ты не наступил случайно на собачью кашку?

Уж этого я никак не мог ожидать, прося Горовица поделиться своими мыслями о Шопене. Он посмотрел на Ванду, пожал плечами и осмотрел подошвы своих ботинок. Таким тонким обонянием, как миссис Горовиц, не обладал никто из нас — ни я, ни Джек, ни Ричард.

— Нет, Ванда, я ни на что не наступил, — сказал он.

Мы не сомневались, что всем нам

предстоит проверка. Повисло тяжелое молчание. Наконец Джек с трепетом поднял ногу.

— Нет, ботинки чистые, — объявил он громко.

У меня не хватало решимости взглянуть на подошвы своей обуви, и я умоляюще посмотрел на Ричарда. Он был следующий.

— Тоже не я! — произнес он со вздохом облегчения.

Путей к отступлению не было. Я поднял ноги одну за другой.

— Нет, нет, не я!

Я не верил собственным глазам; я был убежден: именно мне суждено оказаться виноватым. Казалось, этот абсурд длится целую вечность. Но подошел черед миссис Горовиц. Осмотрев свои высокие каблуки, она сказала с радостной застенчивостью:

— Ах, оказывается, это я. Господа, извините, пожалуйста!

Она вышла, а я продолжил свое интервью. Когда минут через десять она вернулась, в комнате царил более демократичная атмосфера. Горовиц чувствовал себя свободно и давал хорошее интервью — мы говорили о композиторах. В то время Горовиц разучивал "Scherzo a Capriccio" Мендельсона. Хотя это произведение длительностью шесть минут занимает важное место в творчестве композитора, оно незаслуженно забыто.

— Никто не играет это сочинение. Никто! Это я открыл его, — сказал Горовиц.

Я мягко возразил, заметив, что, хотя оно исполняется редко, среди пианистов каждого поколения находятся люди, которым оно нравится.

— Кто же это? — вскричал Горовиц.

— Например, не кто иной, как Антон Рубинштейн, играл его на своих знаменитых "Исторических концертах".

Это известие взволновало Горовица и заинтриговало Ванду. Имя Антона Рубинштейна, этого величайшего русского пианиста XIX столетия, было для Горовица священным. Ванда выбежала из комнаты и скоро вернулась с биографией Рубинштейна, включавшей также программы его "Исторических концертов".

— Вот здесь, Володя, — показала она место в книге.

Поначалу я подумал, что она проверяет мои знания, но потом понял: Рубинштейн был для нее символом авторитетности. Если уж великий Антон благословил своей игрой Мендельсона, значит, это действительно хорошая пьеса. Горовиц был в восторге. Однако я понимал, что мое известие все-таки несколько омрачило ему радость первооткрывателя. Горовицу явно не понравилось, когда я упомянул далее несколько записей пьесы Мендельсона, в том числе лучшую, на мой взгляд, сделанную Антоном Куэрти.

— Он хороший пианист, — заметил Горовиц, — но несколько сухой.

Я понял, что выбор произведения для публичного исполнения или записи был для Горовица долгим, мучительным процессом. Пианист хотел, чтобы пьесы как бы полностью ему принадлежали. Мне кажется, он в душе отказывал кому бы то ни было в праве играть "его" репертуар. Если уж он играл сочинение, оно должно было стать его собственностью.

К сожалению, наше интервью было прервано служанкой, принесшей кофе и пирожные. Я боялся, что после кофе с нами попрощаются, но не осмеливался намекнуть о своей надежде услышать игру Маэстро в домашней обстановке.

Словно прочитав мои мысли, Горовиц схватил ноты Мендельсона и протянул мне:

— Вот, мистер Дюбал, посмотрите, как я подправил и переделал некоторые пассажи.

Мои мечты осуществились: Горовиц заиграл "Scherzo a Capriccio" Мендельсона.

— Смотрите, я для большего эффекта добавил здесь октавы, а здесь я играю двойные ноты. Поглядите, тут я кое-что выбросил. Это придает музыке больше легкости.

Он играл с обезоруживающей непринужденностью, все время говоря и глядя на меня. Он был совершенно раскрепощен и пригоршнями бросал фальшивые ноты. Горовиц явно наслаждался, показывая мне свои трюки. Когда он играл, я чувствовал себя с ним абсолютно свободно.

Разыгравшись, Горовиц решил оказать мне особую честь и исполнил Вторую сонату Рахманинова. Он любил это сочинение. Рахманинов опубликовал сонату в 1913 году, но она казалась композитору затянутой, и позднее он сократил ее. Вот что поведал Горовиц:

— Я сказал Рахманинову: "По-моему, соната стала слишком короткой". "Господин Горовиц, — ответил он, — вы хороший музыкант. Возьмите то, что вы считаете лучшим, из обеих редакций". Я так и сделал и заслужил одобрение Рахманинова.

Был уже второй час ночи, а Горовиц играл ярко, словно в концертном зале. Я блаженно слушал бы его игру всю ночь напролет, но бдительная Ванда, вышедшая из комнаты часом раньше, появилась снова:

— Володе надо спать, — сказала она Джеку деликатно. — Завтра он должен заниматься.

Мы попрощались. На улице я поблагодарил Джека, сделавшего возможным это интервью. По дороге домой в такси у меня в ушах все еще звучали гулкие басы рахманиновской сонаты.

Приглашение от президента

В среду 1 октября 1986 года Горовиц праздновал свой день рождения. Я посетил его на следующий вечер. Разговор вращался вокруг предстоящего ему выступления в Белом доме.

Когда пианист вернулся из турне, президент наградил его медалью Свободы. Перед получением ее Горовиц сказал мне:

— Америке нет дела до хорошей музыки. Это страна поп-культуры. Я не люблю играть для американцев.

Однако после присуждения медали он на неделю или две сделался сверхприотом.

— Я много даю своей приемной родине, — говорил он. — Вы знаете, я очень хороший американец. Меня все знают в лицо. Я не могу пройти и квартала — меня то и дело останавливают. Раньше я говорил: "Нет, я не Горовиц". Но теперь это не помогает. Я больше не могу сесть на скамейку в парке...

Охотники за автографами всегда в равной мере и докучали Горовицу, и листьями его самолюбия. Но в последние годы от них не было спасения. Во время его пребывания в России журнал "Тайм" поместил на обложке его фотографию, а это, как известно, конец для всякого частного существования.

— Маэстро, — сказал я, — как-то раз я ехал в лифте дома на Шестой авеню. Там были две молодые женщины, одна из которых держала в руках экземпляр журнала с вашим портретом. Она сказала другой: "Не правда ли, милашка!"

Горовиц пришел в восторг:

— Я — "милашка"! Слышишь, Ванда, девушки до сих пор считают меня "милашкой".

Я продолжал:

— Но еще лучше сказала другая женщина: "Однажды воскресным утром я переключала телевизионные каналы и услышала, как он играет в Москве. Я не думала, что люблю классическую музыку, но это было прекрасно".

— Люди думают, что им не нравится хорошая музыка, — сказал Горовиц, — но как только они по-настоящему услышат ее, они ее сразу полюбят.

— Когда я играл в Белом доме для президента Картера, он был со мной очень мил, — сказал Горовиц. — Он настоящий любитель музыки. Знаете, Картер, по-моему, хороший человек — он за народ. Я играл для Картера в семидесятые. Не слишком удачно. Я себя тогда неважно чувствовал.

— А вы знаете, что он играл в Белом доме для президента Гувера? — спросила Ванда. — Мистер Дюбал, вы слышали об истории, которая приключилась, когда он играл для Гувера?

— Нет. Расскажите!

— В 1930 году я почти не знал английского языка, — начал Горовиц. — По дороге в Белый дом мне сказали, что после концерта предстоит прием, на котором мне надо будет по очереди пожать всем руки. При этом мне нужно говорить одно: "I am delighted" ("Я счастлив"). Я старался запомнить эту фразу, повторял ее снова и снова. После концерта была встреча с президентом и многими другими важными лицами, главным образом с дипломатами и их женами.

Ванда, не выдержав, выпалила:

— Знаете, что он говорил тогда президенту и всем присутствовавшим?

— Что?

— I am delightful ("Я очарователен"). Можете себе представить: "Я очарователен".

Я захохотал.

— Гувер ни черта не смыслил в хорошей музыке, — сказал Горовиц.

— Но зато Трумэн и Никсон играли на фортепиано.

— Для всего мира было бы лучше, если бы они занимались на инструменте по двенадцать часов в день, — Горовицу самому понравился своим словам.

— Я доверяю музыкантам больше, чем кому-либо. Они слишком много занимаются, чтобы причинять людям вред <...>

Горовиц и рок-н-ролл

В поздний августовский вечер 1987 года я приехал, когда Горовицы смотрели по телевизору документальный фильм о ягуарах. Маэстро очень заинтересовали эти великолепные тропические животные.

— Можете себе представить, они обречены на вымирание в течение нескольких лет! — воскликнул он. — Только подумайте, такая красота и изящество навеки исчезнут с лица земли!

— На днях я интервьюировал Йегуду Менухина, — сказал я. — Мы говорили о проблемах животного мира, и я рассказал ему, что киты очень музыкальны. Он высказал весьма интригующую мысль.

Что более достойно сохранения: последняя дюжина китов или сотня тысяч людей где-либо? Это очень сложный вопрос, ответ на который никак нельзя дать машинально. Мы разбираемся миллионами людей: они умирают от голода, от холеры, рака, от душевных расстройств — так заведено. Все эти люди все равно будут уничтожены, и стоят ли они дюжины здоровых людей? Я не знаю, кто тот Соломон, который решит эту задачу.

— Как вы думаете, Соломон был мудр? — спросил Горовиц.

— Я сомневаюсь, мистер Горовиц. Но только старики могут быть мудрыми. Это не значит, что они все таковы; если в юности люди бестолковы, то обычно и в старости остаются такими же.

— Эрик Эриксон говорил: для того чтобы быть мудрым, надо быть старым, и все общества, кроме нашего, западного, инстинктивно понимали это. Теперь нет шансов найти мудрость, потому что молодежь навеки зомбирована самой ужасной пропагандой всех времен — рок-н-роллом. Он иссушает мозг и высасывает из ребенка жизненные соки. Дети могут дожить до старости, но они не достигнут мудрости. Их мозг выжжен, их уши глухи. Я читал скандальную книгу Алана Блума под названием "Конец американского мышления". Там есть глава о рок-музыке, которая ужасает. Блум называет рок постоянным половым стимулятором, который основан на ритме сексуального соития. Единственной параллелью року в классической музыке составляет равелевское "Болеро" с его непрерывным оргастическим ритмом.

— Кстате, о "Болеро", — вступила Ванда. — Мой отец играл его в Париже, и Равель в страшном гневе явился к нему за сцену сказать, что он дирижировал слишком быстро. С тех пор они перестали разговаривать.

— Может быть, ваш отец сделал его слишком сексуальным, — сказал я.

— Возможно, вы правы, — ответил Горовиц. — Я знал Равеля, и он, по-моему, не слишком интересовался сексом.

— Знаете, кого Блум считает великой героической фигурой последних пятнадцати лет, человеком, сыгравшим ту же роль, что Наполеон, в жизни молодежи в XIX веке?

— И кого же? — выпалил Горовиц. — Разумеется, не меня: молодежь меня совсем не знает.

— Нет, Маэстро, не вас, а Мика Джаггера.

— О боже! — задохнулся Горовиц. — Это даже хуже, чем я предполагал. Даже я знаю, кто он.

— Блум обнаружил: студенты, которые хвастились тем, что не имееют героев для подражания, тайне хотят быть, как Мик Джаггер, жить, как он, прославиться, как он. Блум называет это "феноменом плебейства".

Горовиц продолжал:

— Надо вам сказать, когда я был молод, легкая музыка не была такой отвратительной.

Он подошел к роялю и начал наигрывать забытые мотивы из песен и оперетт, словно для того, чтобы продемонстрировать, каким он был славным парнем. Ванда снисходительно улыбалась, пока ее супруг совершал небольшую прогулку за пределы горных высот великого искусства.

Остаток вечера мы проговорили о положении бездомных и трагедии наших городов.

— Скоро бездомных будет полмиллиона. Если города — это цивилизация, то значит, она приходит в упадок. Может быть, Нью-Йорк умрет еще до того, как умрет музыка.

— Я сам умру раньше, чем Нью-Йорк, — перебил Горовиц. — Сегодня мы все настроены очень пессимистически. В следующий раз давайте говорить о музыке: это никогда не вызывает депрессию.

Петрова
Сергея ГРОХОВА